

Т.В. ЖИТКОВА

О «ЗАВИРАЛЬНЫХ ИДЕЯХ» ДОКТОРА НАУК А.Н. СЕНКЕВИЧА

По следам его выступлений и публикаций

Бойся клеветника как злого еретика

Кто о ком за глаза худо говорит, тот того боится

Русские пословицы

...к оскорблениям она привыкла,
со злословием она встречается
ежедневно; клевете она улыбается в
молчаливом презрении

Е.П. Блаватская

В начале июня 2010 года в Риге побывал индолог, доктор филологических наук А.Н. Сенкевич, приглашенный для доклада в рамках известного в Латвии гуманитарного семинара «Seminarium Hortus Gumatitatis», темой которого были объявлены «Корни оккультизма Елены Блаватской». Накануне расширенный Совет семинара с участием А.Н. Сенкевича обсуждал проблему функционирования института гуру в традиционном и современных обществах. Параллельно в июньском номере рижского журнала «Патрон» вышло его интервью под названием «Новую землю чистыми руками ещё никто не создавал».

Поводом для встреч и интервью послужила новая книга Александра Сенкевича «Блаватская», вышедшая в 2010 году в издательстве «Молодая гвардия» в знаменитой, основанной Ф. Павленковым, серии «Жизнь замечательных людей», которая в этом году празднует своё 120-летие. Основатель серии, обладай он способностью прозревать сквозь толщу времён, был бы неприятно поражен тем, как по воле издательства и автора книги жизнь замечательной женщины, Елены

Петровны Блаватской, основательницы Теософского Общества, отмечающего, кстати сказать, свой 135-летний юбилей, была умышленно искажена и замазана. Её альтруистическую и героическую деятельность на благо человечества автор книги представляет аттракционом, чем-то вроде бизнес-проекта, который должен был приносить основательнице Теософского общества немалые дивиденды. А личность Е.П. Блаватской – выдающегося ученого-мыслителя, бесстрашной путешественницы, замечательной пианистки, одаренной художницы – истолкована настолько превратно, что даже отдаленно трудно узнать её облик. Она, чьё подвижничество, бескорыстие и истинное сострадание поражали современников, выставлена в книге Сенкевича беспринципной, безнравственной, самомнительной и корыстной авантюристкой. Подмена мотиваций позволяет ему нивелировать и переиначивать те исторически важные моменты её деятельности, которые ставят Е.П. Блаватскую в ряд самых крупных деятелей планеты.

Выдвигает ли А.Н. Сенкевич какие-либо веские доказательства? Никаких, кроме придуманных им же самим и вложенных в уста и мысли своей героине. Отразить высокий и тернистый путь поисков и достижений нашей выдающейся соотечественницы, её вклад в развитие космического мышления автору книги априори было не под силу, и он пошёл самым лёгким путем – путем неадекватных фантазий и бессовестных домыслов. Что ж, книга Сенкевича «Блаватская» вполне попала бы в топ конкурса «Лучшая клеветническая книга года», если бы таковой существовал.

Как же могло случиться, что в череде многих томов увлекательных и поучительных для многих поколений книг в юбилейном для серии «ЖЗЛ» году появилась одна, полностью перечеркивающая её идею и смысл? И как могло случиться, что популярный в Риге философский семинар положил в основу рассмотрения столь скандальное издание? Ни научности, ни строгой доказательности, ни отточенности формулировок и законченности мысли, ни одной попытки определить проблемы, поставить вопросы и раскрыть заявленные темы, основываясь на достоверных исследованиях в речи профессора Сенкевича замечено не было, что никак не соответствовало представлениям о вдумчивом и серьёзном ученом. Но зато их участникам довелось выслушать рассказы о встречах с известным востоковедом в публичном доме, про «девочек», про «эротичность» розенкрейцерства и восточной философии и тому подобное. Почтенная публика так ничего и не узнала ни о корнях оккультизма, ни о самом оккультизме как таковом, ни о том, чем же он отличается от «оккультизма Е.П. Блаватской». Доктор наук А.Н. Сенкевич не смог проанализировать и обобщить свои же, весьма своеобразные, представления о Елене Петровне Блаватской. За него это попыталась сделать ведущая, заявив: «Все мы родом из детства».

Елена Петровна Блаватская. Мощнейший импульс, который она дала мировой науке и культуре, обогатил человечество совершенно новыми, невиданными открытиями и достижениями в разных отраслях знания, искусства, философии. Её идеи напитали творчество величайших гениев планеты, послужили источником поисков, размышлений и вдохновения для творцов и мыслителей

Серебряного века России, давшего мировой культуре такое уникальное явление, как русский космизм. Появление в конце XIX-го века фундаментальных трудов Е.П. Блаватской – «Разоблаченная Изида» и «Тайная Доктрина» – подготовило общественное сознание к восприятию Живой Этики, философии Космической реальности, связанной с именами наших великих соотечественников Е.И. и Н.К. Рерихов.

Членами основанного ею Теософского общества были знаменитые ученые: изобретатель Томас Эдисон, основатель Французского астрономического общества, замечательный исследователь и популяризатор астрономии Николая Камиль Фламарион, выдающийся физик и химик Уильям Крукс, лауреат Нобелевской премии, поэт и драматург Р.Б. Йейтс.

«Тайная Доктрина», освещающая вопросы космогенезиса, космической эволюции, антропогенезиса была настольной книгой Альберта Эйнштейна и Александра Скрябина. Общеизвестно, какой внушительный и неоспоримый вклад внесли эти гении в мировую науку и культуру. Уже этих двух великих имен достаточно для того, чтобы задуматься о значительности и ценности высказанных Еленой Петровной Блаватской идей.

С конца XIX-го века и по сей день экспериментальная и фундаментальная науки подтверждают те удивительные предвидения, которые содержатся в трудах Елены Петровны Блаватской. Об этом уже много писалось, я же упомяну лишь некоторые научные открытия, предвосхищенные «Тайной Доктриной». Так, например, идеи о существовании «бесконечной эволюции и инволюции или очередного поглощения Космоса» и о «выворачивании» Вселенной из атома получили теоретическое подтверждение в 1922-м году, когда гениальный советский математик, физик, геофизик и метеоролог, автор книги «Мир как пространство и время», А.А. Фридман «на кончике пера», как принято говорить, открыл процесс расширения и сжатия Вселенной, что было вскоре, в 1929 году подтверждено знаменитым американским астрономом Э. Хабблом, открывшим эффект красного смещения галактик, т.е. расширению звездной системы. Альберт Эйнштейн признал, что модель нестационарной Вселенной А.А. Фридмана есть «наиболее общая схема, дающая решение космологической проблемы». Вскоре бельгийский ученый-богослов, астроном Ж. Леметр разработал теорию возникновения Вселенной из одного «атома-отца» или первоатома, которая получила затем название теории «Большого взрыва».

Современная космология принимает как данность и множественность миров, за что четыре века назад крупнейший итальянский мыслитель, философ и поэт Джордано Бруно был публично сожжен на костре по приговору папского суда, кстати, не отмененного до сих пор.

Исследования в области физики микромира убедительно доказывают утверждение «Тайной Доктрины» о бесконечной делимости атома. Следует напомнить, что ещё в начале прошлого века атом считался твердым, неупругим, а следовательно и неделимым. В 1932 году были открыты первые элементарные частицы, на сегодняшний день их известны десятки, но и это только начало, приближающее к осознанию того, что каждый атом, согласно вышеупомянутому

труду, есть «Вселенная в себе самом и для себя». Физики признают, что последние научные открытия ставят перед ними и философские вопросы: какова природа Вселенной, что такое сознание, откуда у человека способность к познанию и т.д.

Е.П. Блаватская первой заговорила о сотрудничестве и братстве человечества без различия расы, религии, социального положения. Своим блистательным литературным талантом она пробудила любовь к Востоку и его философии. Она побудила к исследованию не открытых и не изученных наукой природных сил, а также психических и духовных сил в человеке. То, что клеветники называли и называют применительно к ней мистификацией и фокусами, было реальным проявлением этих неизведанных возможностей Природы.

Тем не менее, Елена Петровна прекрасно сознавала, что определенный круг лиц, особенно ортодоксальные материалисты и служители культа, узнав о шокирующих их сознание истинах, ранее хранимых в тайне, объявят новое учение «наиболее еретическим и губительным для всех». Наше время подтверждает справедливость этих слов.

Что бывает, когда исследователь не дорос до исследуемого

Читатель, привыкший доверять серии «ЖЗЛ», приходит в недоумение от авторской вольности додумывать за Елену Петровну, описывать её чувства, мысли и намерения. Беллетристический жанр не придает абсолютно никакой достоверности её облику, зато позволяет автору выстраивать книгу так, как ему этого хочется, или скорее, так, как было заказано. Иначе откуда же его чистосердечное признание в том, что приступая к книге «Блаватская», он ломал себя через коленку»? Значит, было ради чего ломать, тем более, что и писать в таком болезненном состоянии вряд ли возможно?

Заданность становится очевидной с первых же страниц. Известный фотопортрет Блаватской 1889 года, прокомментированный Сенкевичем, определяет тональность всей книги и неприятно поражает грубостью и оборотами бытовой речи: выпученные глаза, акулий разрез рта, «устрашающий образ», «тяжелый взгляд манипулятора», «упертая на своём старая тётка»... Разговорная лексика, причем в не лучшей её части, встречается и на других страницах, где мы узнаём, что Блаватский «носился с ней (с Еленой Петровной – Т.Ж.) как с писаной торбой», принимал её «с мясом и костями, придурью...» (с. 177), а она знала А.М. Дондукова-Корсакова «как облупленного» (с. 198) и не спешила с нахождением «отмычки ко всем загадкам и тайнам мироздания» (с. 200)... По части же таких выражений, как «завиральные идеи» (с. 6)¹, «её способность завираться до

[1] Указываю страницы специально для А.Н. Сенкевича, который на семинаре утверждал, что он, как «русский писатель с практически незапятнанной репутацией» таких слов употребить не мог. Тогда кто же написал книгу?

неприличия» (с. 60), «главное было окончательно не завратъся» (с. 197) – всё это относится к Е.П. Блаватской – автору вовсе не стоило возмущаться и бить себя кулаком в грудь, что он, русский писатель, такого себе позволить не мог, – мог и позволил неоднократно.

Если говорить о языке образов, то и он далек не только от красоты, но и от каких-либо разумных представлений. Вот пример: «Блаватская ввела в соблазн умопомрачительной мудростью древних из которой выпирала духовность, как ребра из-под кожи истощенного долгой аскезой йога» (с. 9). Как можно *ввести в соблазн* мудростью и как из неё может *выпирать* духовность, затруднится представить даже человек, одаренный большим воображением.

Хотя г-н Сенкевич и называет себя адвокатом Блаватской, а утверждение это явно от лукавого, всем арсеналом доступных ему средств он живописует образ женщины-демона. Он пишет: «В жилах Лёли смешались кровь многих народов, веками враждовавших друг с другом. С сокрушающей силой девочка переживает это слияние разных кровей, разрушающий эффект от которого в ней, как считают взрослые, в сто, нет, в тысячу раз больше, чем в других её близких. Она и сама чувствует, особенно перед сном, как в её жилах сталкиваются разнонаправленные потоки несходящихся времён, народов и характеров. Сливаясь в ней, они бурлят и пузырятся – кровавое тепло с резким аммиачным запахом серы и сладковатых отбросов заставляет её зажать вспотевшей ладошкой нос. Она ощущает себя чаном, в котором потусторонние силы варят какое-то дьявольское снадобье, чтобы на ней же её и опробовать» (с. 23). Для того, чтобы дорисовать образ маленькой дьяволицы, автор описывает, как её маленькие ручки подрагивают от вожделения (!?), а красные губки «выдают её кровожадность» (с. 24). И вот уже лик Божий её смущает, а челядь считает её отмеченной печатью дьявола, да и священник её, малышку, боится, «как черт ладана». Конечно же, взрослой Блаватской снится сон, будто в неё вселился всесокрушающий дьявол (с. 146-147), или ею «овладело демоническое чувство духовного отщепенства и исключительности», и далее, заметьте, «легкая влюбленность в необыкновенное и запредельное со временем обернулась всепоглощающей страстью к любым проявление чертовщины». Мало того, Сенкевич вменяет ей в вину гибель миллионов людей в результате мировой бойни...

Нет, это не записки средневековых инквизиторов, не трактаты современных кураевых, а доказательная база доктора наук А.Н. Сенкевича, живущего в XXI веке. Тянет не запахом серы, а дымом костра и затхлым запахом пыточных камер в подземельях Инквизиции, бросившей миллионы людей в жертву молоху. Остается лишь развести руками или схватиться за голову – кому что больше нравится.

Характерным признаком авторского почерка является способность соединять несоединимое: «Единственное, что её (Е.П. Блаватскую – Т.Ж.) спасало от душевных терзаний, это нравственная необходимость распространять ложь во спасение, создавать новые иллюзии для человечества...» (с. 41). Полагаю, что здесь автор озвучивает свое, весьма растяжимое, понимание нравственности, которое

совпадает с иезуитским: нравственно то, что дает возможность достижения цели. Но какое это имеет отношение к Е.П. Блаватской? Ясно, что одно исключает другое: либо ложь – либо нравственность.

Иногда кажется, что книгу писал не один автор, а несколько человек, настолько в стилистическом и содержательном отношении она неровна. Оценочные характеристики Блаватской часто взаимно исключают друг друга. Обвинив походя Елену Петровну в цинизме, злоречии и черном юморе, автор пишет: «Как многие пророки и пророчицы при всей своей способности прозревать историческую даль...» (с. 42). Так кто же в самом деле Елена Петровна в представлении Александра Сенкевича? Пророчица, провидица, а следовательно высоконравственная, высокодуховная личность, или манипулятор сознанием, авантюристка, циник и безбожница?

Внутренними противоречиями и абсурдными заявлениями пестрит и интервью, данное Сенкевичем рижскому журналу «Патрон». Признавая то, что из песни не выкинешь, он везде и всюду либо добавляет чертовщины, либо убеждает читателя в корыстной заинтересованности Блаватской, употребляя, кстати, такие слова, как «маркетинг», «рынок», «платежеспособность» и так далее. За отсутствием веских аргументов, появляются просто юмористические высказывания, как то: «Маркетинг свидетельствовал о переизбытке медиумов на рынке. Требовался новый подход к платежеспособной публике»². Или речения типа: «Своим отличным рыночным чутьём Елена Петровна унюхала, что это станет востребованным товаром»³. Таков стиль мышления самого автора, и именно его он пытается приписать Елене Петровне Блаватской.

В интервью он демонизирует не только образ Блаватской, но и всего русского народа, заявляя: «А девочка получилась с русским характером: с детства любила всяческую чертовщину и была необузданна в своих чувствах». «Русский писатель с практически незапятнанной репутацией» далее утверждает, что «плевать она хотела на общепринятые нормы поведения. И в итоге она создала новую землю и новое небо – свое теософское общество, где были определены взгляды на космос, человека и всё, что связано с нашим существованием». Автор, как мне представляется, намеренно и постоянно вводит читателя в заблуждение: либо Блаватская обладала распущенностью и несдержанностью чувств, да к тому же склонна была к демонизму, либо все-таки определила «взгляды на космос, человека и все, что связано с нашим существованием», а это требует опять-таки высокоразвитой духовности, без которой человек не может стать двигателем эволюции.

Но под конец абзаца читателя ждет совершенно ошеломляющий вывод: «А как известно из истории, новую землю и новое небо чистыми руками и с чистой совестью еще никто не создавал». Вот такие «несимметричные» выводы. Громит

[2] И. Полтораки, Д. Лычковский. «А.Сенкевич: Новую землю чистыми руками еще никто не создавал». Интервью. // Рига: Патрон. 2010, июль. – С. 18.

[3] Там же.

ли Сенкевич теософию, космическое мировоззрение или попирает подобными заявлениями Христа – не все ли ему равно!? Цель не в этом. Главное, чтобы каждый шаг, каждое слово Е.П. Блаватской было истолковано превратно, в русле заданной схемы: демонизировать и развенчать незаслуженно, как он считает, возникший применительно к ней образ святости. Этот образ не дает ему спокойно спать. Понятно, святость не предполагает ни публичных домов, ни эротики, ни тем более клеветы и откровенной лжи. Такой, каковой является интерпретация Сенкевичем истории с мальчиком, взятым Е.П. Блаватской на воспитание.

И хотя имеется достаточное количество свидетельств, что мальчик был приёмным, г-н Сенкевич упорно навязывает читателю представление о легкомысленном и беспутном характере молодой Елены Блаватской. Вероятно, автору трудно себе представить, как можно жертвовать собой во спасение других. Он рассуждает о девственности Елены Петровны со знанием знатока, державшего свечку или, по крайней мере, её личного гинеколога. Последнее вернее, ибо он пишет, что рожала она ртом.... Читатель испытывает шок при чтении отвратительного по содержанию абзаца. Только замутнённое порочное сознание способно воспроизводить такие болезненные образы. И не важно, сон это, явь или нездоровое видение самого автора. Он вплетает это событие в канву книги, несмотря на существование свидетельств профессоров Боткина и Пирогова о физиологической невозможности для Е.П. Блаватской стать матерью (1862 г.). А вот результат ещё одного медицинского обследования: «Я, ниже подписавшийся, свидетельствую, что г-жа Блаватская, секретарь Бомбейско-Нью-Йоркского Теософического Общества в настоящее время лечилась у меня. ... Как это показало подробное исследование, г-жа Блаватская никогда не была беременной, и, следовательно, не могла иметь детей, ни преждевременных родов. Доктор Опенгейм, Вюрцбург, 5 ноября 1885 года. Удостоверяют: Хюбе Шлейден, Франц Гебхард»⁴.

Конечно же, Александр Сенкевич осведомлён и о том, что в архиве Теософского общества хранится паспорт, выданный Е.П. Блаватской и «опекаемому ею ребенку Юре для поездки в Тавриду, Херсон и Псковскую губернию сроком на один год» канцелярией царского наместника Кавказа. Датирован он 23-м августа 1862 года.

Но наш индолог отвергает все разумные аргументы и с удовольствием смакует сплетни, кстати, подхваченные одной солидной американской газетой, на которую Е.П. Блаватская в своё время подала в суд. Вот, что она писала: *«Эта газета обвиняет меня в том, что в 1858 и 1868 годах я была представительницей «demi-tonde» («полусвета»), что у меня была связь с принцем Эмилем Витгенштейном, от которого, как говорит газета, я имела незаконнорожденного сына. Обвинение, во-первых, смешное, но во-вторых и в-третьих, оно направлено и на других лиц. Умерший принц был давнишним другом нашей семьи. Последний раз*

[4] Цитируется по: Мэри К. Неф. Личные мемуары Е.П. Блаватской. Пер. с англ. Л. Крутиковой и А. Крутикова. – Гл. 27. – <http://www.theosophy.ru/lib/bioghrpb.htm>

я его видела, когда мне было 18 лет. До самой его смерти я переписывалась с ним и его женой. Он был двоюродным братом русской императрицы и никак не мог бы подумать, что на его могилу современная нью-йоркская газета выбросит такую грязь. Мой долг требует от меня возражения против этого обвинения нас обоих, а также защиты чести теософии и всех тех, кто живет, руководствуясь ее учением. Поэтому я аппелирую к американскому суду и американским законам. Я отказалась от российского подданства в надежде на то, что Америка охраняет своих граждан. Пусть моя надежда не окажется напрасной»⁵.

Тем не менее, автор без тени сомнения приписывает Блаватской самые невероятные любовные похождения, наверное, эта тема ему особенно близка. И на связи с Э. Витгенштейном, а также рядом других лиц он настаивает особо. А вот, что думала Елена Петровна по этому поводу: «Невоздержанные на язык люди никогда не перестанут твердить, что все мужчины, когда-либо приближавшиеся ко мне, начиная с Мейендорфа и кончая Олькоттом, были моими любовниками... Но я считаю, что если адвокат или адвокаты, опираясь на сплетни г-жи Куломб, пишут такое оскорбление, которое означает не только проституцию, но и двоемужество, то это означает их желание опозорить человека. Прошу показать это нашему юристу, чтобы он поставил их на место и сказал им..., если они письменно не извинятся, то я подам на них в суд за клевету»⁶.

Приведу выдержку из ещё одного письма Елены Петровны Блаватской: «В том отвратительном письме (о котором в 1884 году г-жа Куломб утверждала, что она получила его от Блаватской в 1882 году) мне, несмотря на это, приписываются слова, что я оставила моего мужа, полюбив и вступив в связь с каким-то мужчиной (жена которого была моей сердечнейшей подругой и которая умерла в 1870 г., с мужчиной, который умер через год после своей жены и, которого я похоронила в Александрии) и, что у меня от него и других было трое детей!!! и прочее и т.д. Все это заканчивается просьбой не говорить обо мне никому. И тут же зачеркнутые фразы о том, что я никогда не знала Учителей, никогда не была в Тибете, что фактически я лгунья. Было бы лишь напрасной потерей времени все это опровергать»⁷.

И последнее: «Доказательства того, что я никогда не была женою Митровича, а также и Блаватского, уйдет со мною в могилу — никого это не касается»⁸.

За отказом Е.П. Блаватской освещать некоторые стороны своей жизни А.Н. Сенкевичу видятся какие-то мерзкие и недостойные поступки. Мысль о том, что

[5] Цитируется по книге Мэри К. Неф. Личные мемуары Е.П. Блаватской. Пер. с англ. Л. Крутиковой и А. Крутикова. – Гл. 25. – <http://www.theosophy.ru/lib/biogrhp.htm>

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

есть вещи, которые не могут быть преданы разглашению ни при каких обстоятельствах, ибо непременно послужат пищей для разных домыслов или откровенных предательств (о чем и предупреждала в своих письмах Е.П. Блаватская), не укладывается в русло заданной схемы.

И еще об одном сюжете, который наряду с выдуманными «похождениями» Елены Блаватской, является одним из стержней книги. Это письмо в Третье отделение Е.И.В. канцелярии, якобы написанное Блаватской, в котором она предлагает свои услуги этому ведомству. Во-первых, Сенкевич ошибочно называет это отделение жандармским. Отдельный жандармский корпус был присоединён к Третьему отделению Его Императорского Величества канцелярии, ведавшему иностранцами, и оставался отдельным управлением. Во-вторых, само письмо вызывает мало доверия, как по стилю, так и по содержанию.

Письмо датируется 26-м декабря 1872-го года. Неутомимая энергия в поисках Истины, глубокие интересы и познания, способность преодолевать самые трудные обстоятельства с мудростью просвещенной и высокодуховной личности, уже проявившиеся у Блаватской к этому сроку, никак не сходятся с ощущением убогости и депрессивности, остающимся после ознакомления с так называемым письмом в Третье отделение.

К тому же язык письма вызывает много вопросов. И это у писательницы, обладавшей исключительным литературным талантом! Истинный автор явно пытался подстроиться под стиль Блаватской, но эту искусственность скрыть не удалось. Странные слова, странные обороты речи. Вот несколько примеров. Реакция на обвинения в шарлатанстве: «было неполитично». Общество, организованное Блаватской в Каире, «рушилось через три месяца» вместо «разрушилось через...». «В 16 лет я сделала один поступок против закона». – «Сделала» вместо «совершила». Или «Я имела много историй за границей за честь Родины». По-русски было бы правильно написать: «Я много сражалась (боролась) за границей за честь Родины» или «За границей я отстаивала честь Родины».

К тому же, как заметил сам автор книги, в письме неверно указана фамилия человека, которого Блаватская очень хорошо знала: написано «Пашковский» вместо «Пашков», а также изменён возраст, в котором Елена фон Ган вышла замуж. Конечно, трактует Сенкевич эти странности не в пользу героини своей книги.

А вот ещё очень любопытный момент – описание деятельности якобы Блаватской в определенном временном отрезке после её замужества: «В эти 20 лет я хорошо ознакомилась со всей Западной Европой, ревностно следила за текущей политикой не из какой-либо цели, а по врожденной страсти <...> для чего старалась знакомиться со всеми выдающимися личностями политиков разных держав, как правительственной, так и левой крайней стороны»⁹. Что-то трудно припомнить, чтобы Елена Петровна столь страстно интересовалась политикой. И уж совсем непонятно, как из под её блистательного пера могла выйти фраза с «выдающимися личностями политиков».

[9] А. Сенкевич. Блаватская. – М.: Молодая гвардия. 2010. – С. 210.

Но самое главное состоит в том, что в письме нет даже намека на её многочисленные путешествия (в тот же период) по Индии, Тибету, обеим Америкам, Японии, Индонезии и т.д., упоминаются только европейские страны (города, отдельные деятели), а также Египет и косвенно Турция. Почему? Разве у России, которой предлагались услуги, не было интересов в других частях света? Хотя бы в той же Америке? История говорит о другом. Скорее, те, кто стоял за этим письмом, не могли привести ни одной фамилии, ни одного факта, который обладал бы хоть какой-то степенью достоверности.

Любовь к России, которую Е.П. Блаватская, действительно, беззаветно и преданно любила, пожалуй, единственное, что можно перечислить из упомянутых в письме истинных моментов. Да и могла ли её чистая душа позволить написать, например, такие строки: «Занимаясь спиритизмом, прослыла во многих местах сильным медиумом. Сотни людей безусловно верили и будут верить в духов. ... И потому каюсь в том, что три четверти времени духи говорили и отвечали моими собственными – для успеха планов моих – словами и соображениями. Редко, очень редко не удавалось мне посредством этой ловушки узнавать от людей самых скрытных и серьезных их надежды, планы и тайны»¹⁰. Но в том же письме написано: «посредством духов и других средств я могу узнать, что угодно, выведать от самого скрытного человека истину»...

Странно, не правда ли, Елена Петровна, активно предостерегавшая о вреде медиумизма, определившая его как «постояльный двор для развоплощенных лжецов», вдруг упоминает об этом болезненном свойстве применительно к себе, да ещё фактически («на три четверти») признается в мошенничестве, на котором её враги постоянно делали акцент?

А история с посланником кардинала? Только невежественный человек поверит в то, что ученица Махатм могла взять из рук этого человека 5 000 франков «за потерянное с ним время» и за посулы «бесподобного места в католическом Риме». Это она-то, начисто лишённая корысти и тщеславия, даже в основанном ею же Теософском обществе занимавшая лишь пост секретаря?

Можно принять за чистую монету подобные экзерсисы, если ничего не знать о подлинной жизни Елены Петровны Блаватской. Да и настоящий автор (скорее, авторы) письма, видимо, рассчитывал(и) именно на это, когда писал(и) от её лица: «В 1853 г. в Баден-Бадене, проигравшись в рулетку, я согласилась на просьбу...». Где же на самом деле была Елена Петровна? А она после путешествий по Северной и Южной Америкам еще в 1852 году отбыла в Индию, где провела два года. Затем, после неудачной попытки пересечь границу Тибета, куда в то время дорога европейцам была заказана, Елена Петровна возвратилась в Лондон. Через некоторое время её маршрут пролегал в США, а затем через Японию и Сингапур – в Калькутту. В Баден-Бадене в рулетку играл явно кто-то другой, а тем более «добывал» какие-то «немецкие письма», хитро спрятанные «поляком Квилецким». И совет вернуться в Россию, предложить услуги Третьему отделению получила не

[10] А.Сенкевич. Блаватская. – М.: Молодая гвардия. 2010. – С. 210.

Е.П. Блаватская, она, как мы уже поняли, находилась в это время в другой части света.

Ещё один пассаж из письма: «Жизнь не представляет мне ничего радостного, ни хорошего (снова не по-русски – Т.Ж.). В моем характере любовь к борьбе, к интригам, быть может. Я упряма и пойду в огонь и в воду для достижения цели. <...> Может быть, узнав об этом письме, родные в слепой гордости прокляли бы меня. Но они не узнают, да мне и всё равно. Никогда ничего не делали они для меня. Я должна служить им медиумом домашним так же, как их обществу». Ну что тут скажешь? Тот же приём – подлить яду, замарать славную личность Е.П. Блаватской, искренне и трепетно любившую своих родных, жившей напряженной внутренней жизнью духовно устремленного человека, а потому знавшей истинную радость.

И последнее: «Если в продолжение месяца я не получу никаких сведений, то уеду во Францию, так как ищу себе место корреспондентки в какой-нибудь торговой конторе». Да, большое вместить в малое сложно, а тем более подняться до понимания эволюционных задач, проводником или исполнителем которых она была. Низвести Елену Петровну до конторской служащей можно, только как быть с реальностью, которая состоит в том, что в Париж Елена Петровна поехала не из прихоти стать корреспонденткой, а по указу Учителя, на что есть соответствующие свидетельства. Пресловутое письмо в Третье отделение высвечивает мелкую, убогую, разочарованную в людях и в жизни натуру. У Е.П. Блаватской иной масштаб и иные цели. Да, бывало, она испытывала нужду, но это была одна сторона её жизни, но была и другая – духовная, чего в рассматриваемом письме нет и следа.

Оговоры преследовали Елену Петровну, как гончие псы. Рассказывали самые невероятные истории о её пребывании в Европе. Кстати, свою лепту в это внесла некая мадам Себир, находившаяся в России вместе с Еленой Петровной именно в 1872 году (напомню, что этим годом датировано письмо), активно распространяя о ней клеветнические измышления повсюду, где только было можно. Не гнушалась она этим и ранее, в Египте, где Блаватская спасла её от голодной смерти. Такая вот своеобразная плата за добро. (В книге Сенкевича эта история перевернута, сделана необходимая для сюжета перестановка лиц). Так не эта ли мадам Себир является концом клубка, и только надо осторожно потянуть за ниточку, чтобы найти истинных авторов сочинения, называемого «письмо Блаватской в Третье отделение»? Не следует забывать и о том, что современницами Елены Петровны были и другие женщины с фамилией «Блаватская», участвовавшие, кстати, в революциях и других европейских событиях – Элоиза, Юлия, Наталья и другие.

Если внимательно читать письма самой Елены Петровны, её родных и друзей, то становится очевидным, из каких элементов сложен мрачный дом клеветы – письмо в Третье отделение. Желание придать достоверность письму, используя наиболее употребительные обороты, сыграло в конце концов против интриганов. Приведу для сравнения несколько цитат. Курсивом в них выделены словосочетания, на которые следует обратить внимание.

Из пресловутого письма: «Я принадлежу по рождению своему, если не по положению, к лучшим дворянским фамилиям России и *могу возвращаться потому, как в самом высшем кругу, так и в нижних слоях общества*. Вся жизнь моя прошла в этих скачках сверху вниз. Я играла все роли, способна представлять из себя какую угодно личность...».

А вот письма, из которых были взяты нужные высказывания.

Из письма Блаватской от 23.11.1907: «...не я ли работала 40 лет не покладая рук, играя роли ...»¹¹

Из дневника Г. Олькотта: «На следующий вечер, после обеда, Е.П.Б. объяснила нам и двум другим ее посетителям дуализм своей личности и закон, который это иллюстрировал. Она заявила напрямик, что *может быть одной личностью в один момент и другой в следующий момент*. Подтверждая это, она представила нам поразительное доказательство»¹².

Из письма Н.А.Фадеевой: «Ее (Елены Петровны) друзья были сильно поражены, читая фрагменты из ее мнимой биографии, в которых говорилось о том, что её хорошо знали в венских, берлинских, варшавских и парижских *высших и низших кругах*, что ее имя замешано во многих приключениях и анекдотах того времени, когда по неопровержимым данным, имеющимся у ее друзей, она была далеко от Европы. Во всех этих анекдотах говорилось о ней, когда в действительности в них участвовали Юлия, Наталия и другие женщины с той же фамилией — Блаватская»¹³.

Уверена, что разностороннее исследование приписываемого Блаватской «документа», скорее напоминающего характеристику, причем весьма негативную, и как бы специально рассчитанную на обнародование, поставит окончательную точку в этой несимпатичной истории.

В целом книга А.Н. Сенкевича оставляет ощущение большой грязной сплетни, растянутой разными ухищрениями на 439 страниц. Автор собрал грязное белье со всех исторических прачечных и предлагает нам его в качестве эксклюзивного товара. Невозможно прикрыть несколько перелицованное повествование Всеволода Соловьева, оклеветавшего Блаватскую ещё при жизни, оговоры и подтасовки супругов Куломб, предвзятое и преступное заключение комиссии Ходжсона, предпринятое им для Общества психических исследований, и опровергнутое, кстати с извинением перед памятью выдающейся женщины, через столетие, – всё это собрано и подано как новинка.

[11] Цитируется по книге Мэри К. Неф. Личные мемуары Е.П. Блаватской. Пер. с англ. Л. Крутиковой и А. Крутикова. – Гл. 39. – <http://www.theosophy.ru/lib/biogrhp.htm>

[12] Там же. – Гл. 39.

[13] Там же. – Гл. 25.

Книга «Блаватская» ни в коей мере не может считаться достоверной, поскольку носит бездоказательный, надуманный характер, грешит предвзятостью, излишней эмоциональностью и прямой грубостью. Более того, такие книги тормозят познание: разрушая доверие к личности, они вызывают недоверие и к принесенной части научной и философской истины.

Ах, зеркало, чистое зеркало духа нашей выдающейся подвижницы! Оно оказалось роковым для А. Сенкевича, отразив все его душевные изъяны и изломы, все невежество, то есть всю неспособность понять, усвоить или просто допустить, что человек может иметь чистые, некорыстные помыслы, может любить человечество и трудиться ради его блага, может любить истину и искать её повсюду. Его мировоззренческая позиция ярко выражена им самим: идеи ничего не стоят в сравнении с «многообразием» жизни. Поэтому не случайными были и остаются его нападки на Е.П. Блаватскую и Рерихов, общавшихся с Махатмами и трудившихся под их духовным Водительством.

А. Сенкевич: «Я не верю в Махатм!» –

или направление главного удара

Поскольку и Блаватская и Рерихи, чьи мировоззренческие позиции и свидетельства непосредственного общения с Великими Учителями и их исключительной роли в эволюции человечества, явно опасны (кому – это другой вопрос), то необходимо дискредитировать и Рерихов и Блаватскую. Скорее всего, доктор наук выполняет роль рупора и не более того.

Махатмы – это Космическая Реальность, которая существует независимо от того, верит в неё А.Н. Сенкевич или не верит. Долгое время эта истина вообще была скрыта и являлась достоянием отдельных обществ, объединявших наиболее просвещенных людей своего времени. Но пришло время приоткрыть завесу и Е.П. Блаватская сделала это, понимая, через какие испытания ей придется пройти, преодолевая тяжесть скепсиса и страх перед церковными догмами.

Сенкевич уверяет, что Учителя – это мистификация Блаватской, иллюзия. Он считает, что, по меньшей мере, – это раджи или настоятели монастырей. То вдруг называет махатмой любого встречного в почтенном возрасте, облаченного в белые одежды и с металлической кружкой в руках, ибо для него махатма – «это вроде звания», человек, с которым он может общаться запанибрата и даже угрожать – «Выкину тебя сейчас из автобуса!»¹⁴. Или договаривается до того, что это какое-то там «кувшинное рыло» – бог ему судья за такое мерзкое сравнение. Когда он

[14] Л. Дорн. А. Сенкевич: Все мы – лишь сон Брахмы. Интервью // Рига: Патрон. 2005, ноябрь. – С. 4.

говорит или пишет об Учителях, то как правило использует ёрнический тон, чему немало примеров в интервью, данном в этом году рижскому журналу «Патрон».

Такое убогое представление о Великих Учителях может быть как следствием личного невежества, так и злонамеренного очернительства. В историческом плане представление о Высшем менялось в зависимости от роста или деградации сознания. Провозвестники Истины неминуемо попадали и попадают под удар невежественных сознаний, лишенных какого-либо воображения или допущения. Синдром Кошона (епископ Бове, судивший Жанну д'Арк) живуч: «Не может простая пастушка общаться с небесными силами, коли я, епископ Кошон, лишен такой возможности. Следовательно, знается она с дьяволом, за что и должна быть публично сожжена на костре».

«Не может Блаватская иметь общение с Махатмами, Великими Душами, которых я, профессор Сенкевич, не видел ни в Гималаях, ни в Тибете. Все её силы от Сатаны, а потому подвергаю её публичному сожжению на костре клеветы».

Если он пытается таким образом защитить христианство, то делает это грубо и примитивно, забывая при этом, что в заповедях своих Христос предостерегал от лжесвидетельства.

Чтобы получить новый генетически модифицированный продукт, ДНК атакуется вирусом, на котором, как на реактивном снаряде запускается новая генетическая информация. Так же поступает и филолог Сенкевич, запуская смысловые вирусы. «Она давно уже чувствовала брезгливую раздражительность по отношению к людям. И страдала от этого состояния. Страшный час суда Божьего – это переход человечества с одной эволюционной ступени на другую»¹⁵. Первая часть этой фразы – умышленная ложь, легко опровергаемая хрестоматийным примером из жизни Елены Петровны, который упоминает и автор книги: пожалев совершенно неизвестную ей женщину с детьми, которая на последние деньги купила оказавшиеся фальшивыми билеты на пароход, она поменяла свой билет первого класса на билеты в третий класс для всех, включая себя. В течение долгого времени ей пришлось путешествовать через океан в душном, лишенном каких-либо удобств и элементарных санитарных условий, трюме. Где тут признаки брезгливости? И смог бы так поступить сам Александр Сенкевич? Но от вымышленной нелюбви к людям он перекинул шаткий мостик к новой ступени эволюции, объявляемой им Божьим судом. Бойтесь люди новой ступени, не допускайте её, иначе не избежать Божьей кары! – не так ли надо понимать эту хитроумную формулировку?

Компрометируя Блаватскую, он пытается поразить более мощное явление – Е.И. Рерих и созданную ею в сотрудничестве с Учителями Востока Живую Этику и тем самым пресечь распространение нового космического мышления. Делает он это просто. Объявляет утреннюю звезду, Венеру, «демонической посредницей». Для чего он упомянул её санскритское название – Урусвати – понятно. Так Учитель называл Елену Ивановну Рерих, под этим именем она упоминается в

[15] А.Сенкевич. Блаватская. – М.: Молодая гвардия. 2010. – С . 150.

книгах Живой Этики, культурно-философской системы познания космического мышления, этим именем был назван Институт Гималайских исследований, основанный Рерихами после Центрально-Азиатской экспедиции, именно там были заложены основы новой одухотворенной науки. Именно Е.И. Рерих перевела на русский язык два первых тома «Тайной Доктрины». Расчет делается на страх, на то, что при знакомстве с творческим наследием Рерихов в сознании читавшего «шедевры» А. Сенкевича загорится красный свет.

Всего лишь два примера из множеств, разбросанных по страницам книги. Но уже четко вырисовывается цель. Устрашить и отвратить от самой мысли об эволюции, от продвижения на новую ступень развития и познания. С этой целью замарать и демонизировать тех, кто помогает человечеству продвигаться вперед, кто выводит его из душной атмосферы земли на просторы космоса.

На сегодняшний день главным центром изучения культурно-философского наследия Рерихов является Международный центр Рерихов. Нужно ли говорить какую выдающуюся роль в сохранении и развитии наследия Рерихов и заложенных в Живой Этике идей играет вице-президент МЦР, бессменный генеральный директор Музея имени Н.К. Рериха, заслуженный деятель искусств РФ, академик Л.В. Шапошникова? Не случайно так неистовствует А. Сенкевич, когда речь заходит об этой удивительной женщине. Ведь подвижничество – это главная характеристика её деятельности.

А. Сенкевич: «Я терпеть не могу Шапошникову!»

Когда докладчик в аудитории Международной балтийской академии упоминал имя Л.В. Шапошниковой, его эмоции перехлестывали через край. А.Н. Сенкевич явно не мог держать себя в руках. Он допустил ряд оскорбительных выпадов против Людмилы Васильевны, не буду их здесь повторять. Что касается очередного лжесвидетельства, то вот оно: Сенкевич уверенным тоном заявил, что Л.В. Шапошникова не «знает ни английского, ни одного живого языка». Это абсурдное заявление легко опровергнуть. Людмила Васильевна Шапошникова прекрасно владеет тремя языками: английским, хинди и урду, поскольку является профессиональным индологом и в течение многих лет работала в Индии.

К тому же, Л.В. Шапошникова получила из рук И. Ганди международную премию имени Джавахарлала Неру за серию книг-исследований о редких племенах Индии. Может быть, г-н Сенкевич захочет оскорбить и эту награду и ей присвоить титул «за три рубля», как он сделал это на семинаре в отношении Российской академии естественных наук и Российской академии космонавтики?

Её книги рождались не в уютном кабинете, как переводы Сенкевича, а в горах и джунглях Индии, в прямом контакте с не всегда дружелюбно настроенными их обитателями. Но мужество, мудрость и находчивость Людмилы Васильевны приводили к тому, что жители затерявшихся в горах деревень

становились её друзьями. И как можно было установить такой дружественный контакт, не владея языком? Поэтому заявление «не знаю, что она там делала в Индии» говорит только о том, что либо он действительно ничего не знает о жизни и деятельности Л.В.Шапошниковой, либо намеренно лжёт.

Вряд ли он не осведомлен и о том, что Л.В.Шапошникова в одиночку преодолела маршрут, по которому прошла грандиозная Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха. Суровость Гималаев и монгольских степей, изнуряющая жара и пронизывающий ветер, ледяные горные реки и непроходимые снежные заносы – никакие трудности не могли остановить ученого, устремленного в поисках истины. Результатом стала серия серьезных исследований Л.В.Шапошниковой в области рериховедения, положивших начало новому этапу осмысления культурно-философского наследия Рерихов. Перу Л.В. Шапошниковой принадлежит ряд крупных работ в области философии истории, философии искусства. Звание заслуженного деятеля искусств РФ было закономерным признанием её трудов. На её чашу весов можно положить уникальный, основанный С.Н. Рерихом Музей, восстановленную из руин старинную городскую усадьбу Лопухиных, всю многогранную деятельность общественного Музея имени Н.К. Рериха, которым она руководит больше 20 лет, высоко оцененную как в России, так и за рубежом.

Абсолютно бездоказательно обвинение Сенкевича и в инспирировании Л.В. Шапошниковой книги Г. Бибиковой «Я – Шапошникова». Отношение к этому «шедевру» блестяще изложено в статье «Расспрашивайте про меня лишь у моих же книг», в которой Л.В. Шапошникова даёт исчерпывающую оценку опусу Бибиковой, представляющему собой симбиоз всевозможных искажений, домыслов, невежественных суждений и откровенного плагиата.

Пусть не одну ядовитую стрелу в адрес Л.В. Шапошниковой, Сенкевич заявил, что скоро кресло гендиректора Музея имени Н.К. Рериха вместо неё займет В.А. Росов, друг Сенкевича, тоже «ученый», оклеветавший Н.К. Рериха не просто в беллетристическом издании, а в докторской диссертации. Подобные ожидания мне представляются абсолютно бесперспективными и абсурдными, ибо общественность (а Музей имени Н.К.Рериха в Москве имеет общественный статус) никогда не позволит занять место руководителя Музея клеветнику.

Что касается пристрастия А.Н. Сенкевича ко лжи и его малой осведомленности в предмете, о котором он пытается судить, то следует упомянуть о его «великих открытиях», поведенных журналу «Патрон». Оказывается, Живая Этика – это художественная литература (!), уникальные гималайские этюды – стереотипы, климат Наггара – нездоровый, Е.И. и Н.К. Рерихи халтурили, а С.Н. Рерих сомневался в существовании иных миров, сказав «пожить охота»... Не оставил он в покое и С.И. Тюляева, учителя Л.В.Шапошниковой, упоминая в глумливом тоне содержание писем от одного из Махатм.

О некоторых людях говорят: для него нет ничего святого. В полной мере это определение можно отнести к Александру Сенкевичу. Битва за сознание, если и не находится в самом разгаре, то по крайней мере уверенно набирает обороты. В этой битве профессор Сенкевич выступает слугою новой Инквизиции, разжигающей

костры для всего прогрессивного, подлинно-научного и эволюционного. Уместно говорить об ответственности, как ученых, так и литераторов перед читателями, настоящими и будущими, ибо их труды расходятся подчас миллионными тиражами, в той или иной мере влияя на сознание читателей. Уместно говорить и о правильном понимании толерантности, которую руководители Гуманитарного семинара положили в его основу. Толерантность, понимаемая как терпимость или даже равнодушие ко злу, к клевете принадлежат к разряду качеств, которые в конечном итоге приводят к торжеству зла.

Нет ничего недостойного в том, что люди имеют разные взгляды и стараются их отстаивать. Прекрасно рассматривать проблему с разных точек зрения. Но материал для изучения должен быть прежде всего достоверным, а обмен мнениями вестись с нравственных позиций, исключая ложь, клевету, домыслы и заведомый обман.

Рига. 2010 год.

Источник: http://yro.narod.ru/zaschitim/ant_senkevich.htm